

РОССИЯ И КИТАЙ: ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКТРИН

© 2017 Н. СЕМЕНОВА

Анализируется историческое формирование государственных геополитических кодов России и Китая, являющихся основой традиционных внешнеполитических доктрин. Выстраивание современных российско-китайских отношений и создание каких-либо прогнозов по их дальнейшему развитию невозможно осуществить без тщательного анализа прошлого, истории взаимоотношений двух государств. При анализе исторического формирования внешнеполитических доктрин России и Китая, несмотря на цивилизационные различия, обозначается некоторое сходство в установках, которые при наличии своеобразных национальных традиций в разные периоды истории приводили к столкновению национальных интересов двух стран.

Ключевые слова: Китай, Россия, китайский мировой порядок, становление российской внешней политики

RUSSIAN AND CHINA: FEATURES OF TRADITIONAL FOREIGN POLICY DOCTRINES

Nelly K. SEMENOVA, Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (semenovanelli-2011@mail.ru)

The historical formation of state geopolitical codes of Russia and China, which are the basis of traditional foreign policy doctrines, is analyzed. The formation of modern Russian-Chinese relations and the creation of any forecasts for their further development can't be achieved without a thorough analysis of the past, the history of the relations between the two states. When analyzing the historical formation of the foreign policy doctrines of Russia and China, despite the civilizational differences, some similarities in the installations are indicated, which, in the presence of original national traditions, in different periods of history led to a clash of the national interests of the two countries.

Keywords: China, Russia, the Chinese world order, the formation of Russian foreign policy

Выстраивание современных российско-китайских отношений и создание каких-либо прогнозов по их дальнейшему развитию невозможно осуществить без тщательного анализа прошлого, истории взаимоотношений двух государств, без учета сильного влияния консервативных традиций Китая, их воздействия на его внешнюю политику.

КИТАЙСКИЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

В Китае на основе традиционного представления о собственной этнической общности, как о единственном центре человеческой цивилизации, сформировалась внешнеполитическая парадигма идеологии китаецентризма. Ассоциации с древними традициями вызывают сохранившееся в современном китайском дипломатическом протоколе конструирование взаимоотношений на основе идеологических факторов и личностных отноше-

ний партийных вождей и идеологов, использование иерархизированных категорий, гипертрофированное стремление к самостоятельному подходу к международным проблемам, обостренное чувство престижности и независимости [3, p.11].

Одним из ключевых феноменов социологии XX в. является национализм в его европейских формах, вера в уникальность и безусловную ценность европейских национальных культур. В то же время китайская националистическая идеология базируется на уверенности в культурном превосходстве и универсальной применимости собственных традиционных ценностей, на иррациональном представлении о собственной этнической общности как о единственном центре человеческой цивилизации и склонности рассматривать ценности любого другого народа исключительно сквозь призму ценностей своего собственного социума [16, p.15]. Формирование основных принципов, на которых китайские правители строили взаимоотношения с близкими и дальними соседями, протекало одновременно с процессом становления государственности, оформления идеологи-

СЕМЕНОВА Нелли Кимовна, н.с., Институт востоковедения РАН. РФ, 115230, Москва, ул. Рождественка, 12 (semenovanelli-2011@mail.ru)

ческих и политических основ китайского общества. При этом создаваемая система внешнеполитических отношений копировала иерархическую систему взаимосвязей, возникавших в самом Китае.

Под наименованием Поднебесная (Тянься) мыслился не только Китай, но и весь мир [4, р. 43]. Составляющие «систему вассалитета», формальные проявления «покорности», такие, как соблюдение определенных «протокольных» норм и ритуалов, соответствующий язык в официальной переписке - высокомерный с китайской стороны и уничижительный со стороны «покорного вассала», не являлись чем-то уникальным в международной практике древности и средневековья. Однако только в Китае был настолько детально разработан и столь скрупулезно на протяжении многих веков соблюдался ритуал взаимоотношений правителей периферийных владений и народов с владыкой Поднебесной. Все это позволяет говорить о существовании целостной, претендующей на глобальную универсальность, системы международных отношений, функционировании некоего своеобразного «китайского мирового порядка» [4, р. 3].

Концепция «открытости» китайской цивилизации для всех, кто попадает в поле ее влияния, и неизбежной культурной ассимиляции, а фактически, китаизации других народов, искренняя уверенность, что рано или поздно все народы пойдут по «пути Китая», стала внешнеполитической парадигмой идеологии китаецентризма [11].

Определенная переоценка ценностей традиционной доктрины «вассалитета» произошла только тогда, когда впервые в истории «не сработал» принцип постепенной ассимиляции Китаем «варваров», пришедших на этот раз из Европы. Однако настойчивые попытки последующих миссий добиться уважения Китаем принятых к XIX в. абсолютным большинством государств норм и обычаев международного права закончились безрезультатно и вызывали лишь недоумение и раздражение китайской стороны [15, р. 51]. «Поступиться принципами» китайские императоры династии Цин не могли, т.к. рисковали «потерять лицо» в глазах своих подданных и действительно лишиться легитимности своей власти и трона. Этим инстинктом самосохранения и стремлением продемонстрировать показное величие объясняется особое упорство и щепетильность, с которыми маньчжуры отстаивали устои конфуцианской идеологии и атрибуты «даннического» протокола» [15, р. 52].

«Договорное унижение» Китая в результате

его сокрушительного поражения в «опиумных войнах» 1840-1842 гг. и 1856-1860 гг. вскоре было идеологически компенсировано концепцией «системы неравноправных договоров», а практическая внешнеполитическая деятельность стала явно носить «многоярусный характер», демонстрируя во всей ее изощренности черты китайской тактики и стратегии, известной в литературе как «стратегическая дипломатия» (термин «стратегема» означает военную хитрость, действие, которое вводит в заблуждение противника [21]), обеспечивающая реализацию стратегемы и черпающая средства и методы не в принципах, нормах и обычаях международного права, а в теории военного искусства, носящей тотальный характер и утверждающей, что цель оправдывает средства [15, р. 52].

Перехода от традиционных «даннических» к современным «договорным» отношениям и вступления Китая в равноправную «семью наций» не произошло. При формировании договорных отношений в новое время древнекитайская система «вассалитета» и основанный на ней «даннический» протокол не исчезли бесследно, традиционная культура оказалась недостаточно гибкой. Подтверждение этому - эволюция китайской государственности в духе китаецентризма: борьба Сунь Ятсена за право называться «собирателем китайских земель» [12, р. 28] и культивирования «китаизированного марксизма» Мао Цзэдуна - марксистская концепция стадийно-формационного социального развития, выстраивающая некую градацию народов и стран по критерию классовой и иной «зрелости» [11]. Употребление в китайских СМИ иерархизированных категорий («старший брат», «партия-отец», «третий мир», «сверхдержава», «гегемонизм» и т.п.), гипертрофированное стремление к самостоятельному подходу ко всем международным проблемам, обостренное чувство престижности и независимости, боязнь полной идентификации позиции КНР с позицией любой другой державы, традиционные навязчивые иерархизированные атрибуты стали стилем китайской дипломатии и вызывают ассоциации с традиционным прошлым [10, pp. 34-38].

В этом контексте необходимо упомянуть о том, что в современных китайских публикациях продолжает выдвигаться тезис «священных китайских территорий», отстаивается концепция «единой китайской нации», народности некоторых сопредельных с Китаем стран называются «ответвлениями» этой нации. В работе ведущих отечественных синологов А.Д.Воскресенского и С.Г.Лужанина «Политика Китая в Центральной Азии»

[6, р. 313] указывается, что в научных статьях и книгах китайских исследователей история «отделяется» от сегодняшних дружественных отношений между Россией, Китаем и государствами Центральной Азии. Однако на повестке дня остаются «традиционные китайские представления о Центральной Азии как «сфере влияния китайской цивилизации», «периферии» китайской империи, которую «иностранные центры силы» в недалеком прошлом пытались либо отторгнуть, либо поставить под свой контроль, ослабив там влияние Китая. До сегодняшнего дня эти представления рассматриваются в китайской научной, аналитической и учебной литературе, влияют на сегодняшнюю внешнюю политику страны, на принятие внешнеполитических решений китайской элитой» [6, р. 317].

До недавнего времени малая выразительность и недостаточная акцентированность внешнеполитического курса Пекина, дистанцирование от роли лидера укладывались в рамки китайской традиции. Председатель Мао Цзэдун утверждал, что Китай не собирается становиться сверхдержавой. Дэн Сяопин оставил преемникам своеобразное политическое завещание: «Внимательно наблюдай, обеспечивай нашу безопасность, решай вопросы хладнокровно, скрывай наши возможности и жди нашего времени; умея оставаться в тени и никогда не объявляя лидерства» [17, pp. 14-27]. Однако в 1985 г. глава КПК Ху Яобан заявил, что КНР достигнет статуса сверхдержавы к 2049 г. - к столетию основания народной республики. Дэн Сяопин был более осторожен в оценках. По его расчетам, к 2049 г. Китай мог стать лишь средне-развитым государством. Однако на съезде Коммунистической партии Китая (КПК), состоявшемся в 2012 г., было подтверждено, что статуса сверхдержавы Китай достигнет к 2049 г. Ведущие отечественные синологи констатируют факт реализации стратегии становления Китая как великой державы [22].

Идея «нации Китая» (чжунхуа миньцзу), принадлежащая Сунь Ятсену, пройдя через столетие, вошла в идейно-политический арсенал «третьего», «четвертого поколения» и перешла по наследству новому, «пятому поколению китайских руководителей» в виде идеи «великого возрождения нации Китая», но уже с обновленным смыслом, с учетом современных реалий, новым направлением и новой формой реализации. Она воплощена в глобальной стратегии внешнеэкономического наступления, получившей известность под девизом «идти вовне» (цзоу чуцзюй). Цель стратегии - пре-

вратить КНР к 2020-2030 гг. в самую экономически мощную державу мира [7, pp. 80-90].

Си Цзиньпин, говоря о курсе «в отношении сопредельных стран», подчеркнул, что «стратегической целью китайской внешней политики является служение задаче национального возрождения» [20], в стратегические задачи которой вписана Концепция Экономического Пояса Шелкового Пути (ЭППШП). В отдельном разделе Концепции [24, pp. 242-259] присутствует тезис о том, что Китай не только по-прежнему привержен «политике открытости», но и намерен следовать ее новому варианту. Речь идет о «модели открытости по всем азимутам» и направлениям (цюень фанвей кайфан) [5]. В своей внешнеполитической стратегии КНР объективно опирается, в большей мере, на детерминанты глобального уровня [13], стремясь трансформировать под свои национальные интересы современную архитектуру международных отношений.

Понятие «мягкая сила», впервые упомянутая в древнекитайском тексте «Канон Пути и благодати» (Дао дэ цзин, IV/V/VI вв. до н.э.), открыто для западной научной мысли в концепте «культурно-идеологической гегемонии» [8] А.Грамши и введено в современный научный оборот Дж.Наем*. «Мягкая сила» (*soft power*) рассматривается как способность получать желаемые результаты в отношениях с другими государствами за счет привлекательности собственной культуры, ценностей и внешней политики, а не принуждения или финансовых ресурсов [29].

Многовековой опыт Китая в использовании этого концептуального подхода раскрывает китайский тезис «влияние важнее власти». Практикующееся в западных подходах понимание власти/влияния, как стремления к прямому и силовому геополитическому контролю, в китайской транскрипции понимается как ограниченное, естественное, точно дозированное, направленное воздействие на ключевые точки регионов и стран, государств и общественных систем. Хорошо разработанные принципы стратегий «побеждать, не сражаясь», «управление миром, помощь народам» (цзинши цзиминь) позволяют Китаю не прямо, но косвенно контролировать происходящие в мире

* Джозеф С. Най-младший (англ. *Joseph S. Nye, Jr.*; род. 1937) - американский политолог, разрабатывающий ряд направлений в рамках нелиберализма. Джозефу Наю принадлежит понятие «Мягкая сила» (*Soft power*), разрабатывавшееся с 1980-х гг. и ставшее одной из значимых концепций в мировой политике, экономике и дипломатии (прим. ред.).